

УДК 94(4)“19” + 323.1 + 329.18 + 94(430)“1929/32” + В. И. Михайленко
+ 94(450)“1929/32”

ФАШИСТСКИЕ ПЛАНЫ «НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОРЯДКА»

Статья посвящена исследованию происхождения и эволюции итальянской фашистской концепции нового европейского порядка. После прихода Муссолини к власти и вплоть до 1932 г. фашистская Италия дистанцировалась от либеральной Европы. Ее идеологи обосновывали уникальность «фашистской цивилизации». В последующий период итальянский фашизм стал претендовать на «универсальность фашистской цивилизации», был создан «фашистский интернационал» и предпринимались попытки обосновать «новый фашистский европейский порядок».

Ключевые слова: европейская идея, национальная идея, фашистская цивилизация, фашистская идентичность, жизненное пространство, фашистский «европеизм», реконструкция Европы.

Мировой экономической кризис, начавшийся в 1929 г., подорвал систему версальских договоренностей, разрушил механизм согласованного управления торговлей, стабилизацией валют, репарациями и долгами, оставил Европу без внешних финансовых заимствований.

Ведущие державы мира замкнулись в собственных геополитических пространствах, огородив их высокими таможенными барьерами.

Приход Гитлера к власти с нескрываемыми им планами продвижения в том числе в направлении итальянских геополитических интересов, в Дунайскую Европу и на Балканы вызвал обеспокоенность в Риме.

Предполагая мирную или вооруженную реконструкцию Версальского мира, Муссолини предложил собственный план европейского строительства. Впервые фашистская европейская идея была выдвинута на проведенной в 1932 г. под патронажем Муссолини международной конференции «Европа в современном кризисе». Конференция состоялась в год выдвижения проекта «пакта четырех» и должна была, по замыслу Муссолини, обсудить его концепцию «нового европейского порядка», в основу которой было положено, в частности, полное отрицание «абстрактного принципа равенства между великими и малыми государственными образованиями» [5, 5].

В отечественной историографии первым исследовал фашистский вариант «европеизма» Б. Р. Лопухов. Он указал на политические спекуляции фашистов на фразеологии и эмоциональном тоне буржуазно-демократической «европеистской» концепции Дж. Мадзини [1].

Исследователь П. Нелье справедливо пишет, что «идея Европы, в сущности, представляет собой идею цивилизации, которая формируется в процессе встречи-столкновения (*incontro-scontro*), следовательно, проявляется в разнообразии, являющемся фундаментальным элементом всего комплекса идентичности, связанной с происхождением, традициями, культурой и общими устремлениями» [4, 8–9].

За два десятилетия фашистского режима европейская идея в ее фашистском варианте эволюционировала от принципов национальной исключительности до утверждения ее универсального характера. Первоначально фашистский европеизм формировался на основе «идеи Нации», доминировавшей в европейских буржуазно-демократических революциях XIX в. Не стало исключением итальянское Рисорджименто. Фашистский философ Дж. Джентиле был уверен в том, что фашизм «вернул в Италию дух Рисорджименто», поскольку намеревался осуществить интеграцию масс в структуры и жизнь государства [18, 85]. Не вдаваясь в детали, отметим одно аксиоматическое положение: итальянский фашизм осуществил «национализацию масс», т. е. интегрировал массы в государственную жизнь. Эта «национализация масс» в последующем сыграла важную роль в переходе к послевоенной демократии в стране. Именно фашисты противопоставили идеи «нации» и «национального государства» международному (в более узком смысле — европейскому) интернационализму левых социалистов в Италии и Коммунистическому интернационалу. И в этом соперничестве в Италии одержали победу.

Обладавший большим чутьем к социальной «температуре» Муссолини опубликовал 15 декабря 1917 г. статью в газете *Пополо д'Италия (Il Popolo d'Italia)*, которая называлась «Траншейная аристократия». В ней он исходил из того, что в ходе Первой мировой войны сложился новый тип отношений между нацией и народом. Траншеи выполнили роль «плавильного тигля» (*melting pot*), в которых выковывалась итальянская нация. В 1932 г. в Итальянской энциклопедии была опубликована знаменитая фраза Муссолини: «Для фашиста все в государстве и все человеческое и духовное имеет намного меньше значения за пределами государства».

Таким образом, в своей первоначальной форме фашистское государство формировалось как «сверхнациональное». Каким образом в фашистском европейском мифе сочетались два, казалось бы, несовместимых принципа — «Нация» и «Европа»?

Прежде всего, рассмотрим, что происходит на европейской арене после окончания Первой мировой войны. Потерпели окончательное поражение «старые» государства (*Ancien regime*) имперского типа. Появились десятки новых национальных государств, за которые развернулась политическая и идеологическая борьба с тем, чтобы «освоить» выборы ими определенного типа политических режимов.

Пришедший к власти в Италии в 1922 г. фашизм как идеология и как определенный тип политического режима включился в эту борьбу. Его соперниками оказались буржуазные режимы либерально-демократического типа (США, Франция, Великобритания) и большевистского типа (СССР), а с 1933 г. — национал-социалистического типа. В этом случае борьба за сферы влияния включала в себя как территориальный, экономический, так и ценностный, идеологический, политический компоненты. В 1939 г. из 28 европейских государств только 11 можно было отнести к государствам демократического типа [16, 36].

В большинстве этих стран, особенно Восточной Европы и Балкан, процесс формирования национальных государств шел с большим отставанием, и основа

идентичности новых государств формировалась с использованием религиозных, расовых, этнических и иных скрепов.

Определенную универсальную систему ценностей (коллективная судьба) выдвинула Лига Наций, однако ее трактовка дезавуировалась избирательным применением. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Лига Наций родилась мертвой, дух, которым она вдохновлялась, был мертвым» [17, 77]. Как великий либеральный европеец, Ортега-и-Гассет провозглашал универсальные ценности «государства-нации», которые он формулировал следующим образом: «Разные государственные формы возникают из тех разных форм, в которых инициативная группа осуществляет сотрудничество с другими. Поскольку государство есть призыв к совместной деятельности, каждый, кто примыкает к общему делу, и будет действующей частицей государства. Раса, кровь, язык, географическая родина, социальный статус — все это имеет второстепенное значение. Право на политическое единство дается не прошлым — древним, традиционным, фатальным, неизменным, а будущим, то есть не тем, чем мы были вчера, но тем, чем мы будем завтра, — вот что соединяет нас в одно государство» [2, 152].

Либеральная демократическая европейская идея включает такие этико-политические ценности, как свобода, равенство, мир, право на самоопределение.

Можно вслед за Ортегой-и-Гассетом уничтожительно говорить о тоталитарных феноменах, рожденных «восстанием масс». «Оттого-то и большевизм, и фашизм, две политические “новинки”, возникшие в Европе и по соседству с ней, отчетливо представляют собой движение вспять», — утверждает Ортега-и-Гассет [Там же].

Однако нельзя не считаться с тем, что итальянский фашизм формировал собственную идентичность, в которую вошли как идеи Просвещения, прогресса, формирования «нового человека», строительства «новой цивилизации», «третьего пути», так и отрицаемые либеральными учеными идеи «второстепенные» — «расы», «крови», «языка», «географической родины» и др. Удивительным образом итальянский фашизм сочетал в себе обе тенденции — консервативную и революционную. Первая нашла воплощение в политическом режиме, вторая — в фашистском движении [7, 40, 41].

Сформированную к началу 1930-х гг. фашистскую идентичность Муссолини вынес на политическую сцену в качестве «универсальной». В немалой степени этому содействовал мировой экономический кризис, который повысил интерес к авторитарно-тоталитарным моделям политических режимов.

Идеологи фашизма вкладывали в понятие «национальное государство» иной смысл, чем либералы. Для них «нация» являлась некоей духовной субстанцией, которая обладает собственной жизнеспособностью (*vitalita'*), наполнена исторической памятью и стремлением к экспансии на основе «естественного права» государства. Для реализации своего «естественного права» государство должно быть сильным. Отсюда следовало, что сама идея фашистской экспансии вплоть до ее реализации в виде имперской экспансии является неразрывно связанной с фашистским государством [16, 90].

Для фашистов государство было высшим выражением существования человека, абсолютной формой коллективной жизни, высшей формой организации человеческой цивилизации [8, 262–270].

Фашистская цивилизация, жизнеутверждающая и жесткая, должна реализоваться в последовательной политике завоеваний. В итальянском случае для этого не было глубоких экономических причин, но преобладали «духовные» интересы, ее самоутверждение в качестве великой цивилизации, ведущей свое начало от античного Рима. Таким образом, заключает П. Нелье, «такие амбиции не были результатом только политического выбора, но составляли внутреннюю сущность фашизма». Средствами реализации этих амбиций являлись патернализм и авторитаризм как внутри страны, так и на мировом уровне [16, 90].

Преодоление национального государства, но не его отрицание, было частью фашистской идеологии. Преодоление национального государства сочеталось с темой «жизненного (или имперского) итальянского пространства» с использованием средиземноморских и романских символов. Никакого равенства между большими и малыми государствами. Устанавливается политическая иерархия, в которой Италии принадлежит господствующая роль [5, 44]. В середине 30-х гг. идеолог демократического европеизма Р. Куденхове-Калерги обратился к фашистскому руководству с предложением возглавить процесс европейского единства в борьбе против «новых варваров в лице расистского пангерманизма» [Там же]. Другими опасностями для Европы, с которыми итальянский фашизм намеревался вступить в борьбу, были большевизм и гегемония США.

В конце 1920-х гг. в фашистской Италии появляется ряд журналов, в которых резкой критике подвергается идея европейского единства. Например, В. Карделли на страницах журнала *Иль Барджелло (Il Bargello)* утверждал, что «между нами и Европой нет почти ничего общего» [19, 248]. В 1928 г. А. Гравелли основал один из наиболее известных журналов, пропагандировавших идею «европейского фашизма», под одиозным названием *Антиевропа (L'Antieuropa)*. Основной смысл развернувшейся политической дискуссии сводился к тому, чтобы доказать, что между фашистским и либеральным (преимущественно антифашистским) европейским интеллектуальным пространством нет ничего общего. Фашистские идеологи стремились полностью «зачистить идейное и культурное» пространство от либеральной ереси [Там же, 250–252].

Для обоснования фашистских претензий на «жизненное пространство» (*spazio vitale*) и «новый порядок» использовались как некоторые традиционные социальные и политические мифы, так и новые. В «доктрине фашизма» 1932 г. указывалось: «Фашистское государство — это воля силы и империи. Римская традиция является здесь идеей силы... Для фашизма тенденция к империи, т. е. к экспансии наций, есть проявление жизненности, а противоположная... является знаком упадка» [14]. Фетишизация «римской традиции» имела многофункциональную направленность в фашистской идеологии, в том числе была направлена на обоснование специфических форм организации мирового порядка. Пропагандистское обеспечение этой концепции было связано

с утверждениями о «кризисе капиталистической цивилизации». Муссолини заявил о начале перехода от одной цивилизации к другой. Вдохновителем и конструктором «новой цивилизации» была объявлена Италия.

В основе международного, как и внутреннего, порядка должен быть заложен принцип «иерархии отношений», который обеспечивает «международное единство» империи. Экономические, национальные, расовые, социальные и политические (классовые отрицались) отношения выстраивались строго по принципу иерархического подчинения. Это означало признание за итальянцами «цивилизаторской функции» в рамках империи, безусловного подчинения «низших» рас «высшей» итальянской расе. Предполагалось, что малые государства будут вовлечены в это сообщество, приняв на себя высшие универсальные ценности новой цивилизации. Эти ценности будут итальянскими, поскольку Италия имеет моральное превосходство по отношению к другим странам, в том числе к Германии [16, 99].

Тема «строительства новой Европы» была выведена на первый план в фашистской внешнеполитической пропаганде. Какой смысл вкладывался в нее фашистским руководством и какие при этом преследовались цели? Десятый номер журнала *Джераркия* (*Gerarchia*) в 1932 г. был целиком посвящен теме «Фашизм — универсальная идея». Он открывался подборкой выступлений Муссолини на эту тему. В одном из них Муссолини утверждал, что фашизм стоит на повестке дня во многих странах и можно предвидеть скорую фашизацию Европы. Представляется вполне обоснованным мнение Н. Д. Смирновой о том, что фашизм пытался выйти за пределы Италии в форме идейного экспансионизма [3, 17].

Основная цель международной конференции 1932 г., прошедшей под непосредственным патронажем Муссолини, была сформулирована следующим образом: «указать с романской мудростью новые пути для закладывания новой исторической основы Европы, для создания нового европейского порядка, который установит императив плодотворной солидарности на смену междоусобной разрушительной борьбе». Докладчики стремились доказать, что фашизм является «универсальным решением не только с целью оздоровления Европы, но и для спасения всей цивилизации». Фашистский идеолог Ф. Коппола сделал акцент на защиту «конструктивного европейского империализма, противостоящего тлетворным силам русского коммунизма, с одной стороны, и североамериканского материализма, с другой». «Или Рим, или Москва» — так звучал броский лозунг фашистов [6, 87].

Неявно конференция отразила идеологическое соперничество между итальянским фашизмом и германским национал-социализмом. В связи с этим журнал *Джераркия* (*Gerarchia*) обошел молчанием не только выступления, но даже сам факт участия в конференции нацистских деятелей А. Розенберга и Г. Геринга. Коммунистический журнал *Ло Стато Операйо* (*Lo Stato Operaio*) рассматривал конференцию сквозь призму обсуждавшегося в это время проекта «пакта четырех». Собственно, он и обратил внимание на доклад нацистского идеолога Розенберга, который выдвинул идею установления «европейского единства» на основе разграничения сфер влияния между четырьмя ев-

ропейскими капиталистическими державами. Антисоветская направленность пакта не вызывала сомнений. «План Розенберга» предусматривал следующее разграничение сфер влияния и экспансии. В германскую сферу включались все «исконно-германские земли», а также районы России от Черного до Белого морей и Западное Средиземноморье, во французскую — Северная Африка и Западное Средиземноморье, в итальянскую — Балканы и Восточное Средиземноморье, в английскую — ее традиционные сферы влияния. В публикации в *Lo Stato Operaio (Lo Stato Operaio)* указывается на неслучайное совпадение предложений Розенберга и первоначального итальянского проекта «пакта четырех». В статье было высказано предположение о существовании определенного политического соглашения между итальянскими фашистами и германскими нацистами по международным вопросам еще до прихода Гитлера к власти.

В октябре 1932 г., выступая в Турине, Муссолини выдвинул идею «нового политического порядка» вместо «дискредитировавшей себя слишком универсальной конструкции» в лице Лиги Наций: «Но я думаю, что если бы завтра... осуществились необходимые и эффективные предпосылки для сотрудничества четырех великих западных держав, Европа была бы умиротворенной с политической точки зрения, и, возможно даже, стискивающий нас кризис подошел бы к своему концу» [15].

Глава фашистского правительства стремился возложить особую миссию на Великобританию, Францию, Германию и Италию в Европе. Он утверждал, что иерархия отношений существовала в Европе объективно и исторически [11, 34, 41].

В 1933 г. журнал *Антиевропа* разместил на своих страницах программу фашистского интернационала, в которой были изложены принципы сотрудничества между независимыми фашистскими государствами и универсальным фашизмом, отличавшимся от национал-социализма. Конкуренция между фашистским и нацистским режимами предполагала их превосходство над другими моделями «новой Европы», в частности над американской. Принцип иерархии отношений на международной арене рассматривался итало-фашистским руководством как аналогия корпоративной системы в самой Италии, т. е. он предусматривал закрепление системы политических соглашений господства узкой группы стран.

По этому поводу в 1947 г. итальянский дипломат В. Черрути писал следующее: «Вдохновитель пакта четырех [т. е. Муссолини] стремился к созданию не союза, а инструмента действий. Он хотел, чтобы все европейские проблемы решались только четырьмя договаривающимися державами. Это был лучший способ ослабить Лигу Наций, подорвать ее престиж» [4, 55]. Реализация данного проекта должна была привести к полной дестабилизации сложившейся системы международных отношений.

Захват Эфиопии и объявление Италии империей внесли изменения в концепцию «фашистского универсализма». На первый план вышла тематика имперского строительства. После осуществления захвата Эфиопии римская и имперская тема, отмечает Д. Кофранческо, начала преобладать над европейской [5, 7–8].

В плане организации итальянской экономики упор был сделан на экономическую автаркию. На Ассамблее корпораций в марте 1936 г. Муссолини выступил с обоснованием плана экономической автаркии. В основе развития экономики, подчеркивал Муссолини, лежит посылка о «неизбежности положения, при котором страна будет призвана пройти через испытания войны». «Когда именно? Как именно? Никто не сможет этого сказать, но колесо судьбы вращается быстро... В переживаемый исторический период факт войны является вместе с доктриной фашизма определяющим элементом позиции государства в отношении хозяйства страны», — заключил глава правительства [10].

Итальянский исследователь А. Мола отмечает, что, несмотря на рассуждения некоторых политиков и исследователей о том, что Италии в 1938 г. были навязаны извне расистские антисемитские законы, никто не сможет опровергнуть очевидных фактов, что итальянский фашизм проводил политику расовой дискриминации, осуществлял практику апартеида сначала в отношении народов Эфиопии, а затем народов собственной и других стран [13, 218].

За четыре года до принятия расовых законов в Италии журнал *Джераркия* (*Gerarchia*) писал, что нельзя допускать смешения рас, необходимо добиваться осуществления принципа, что только один цвет расы имеет право на господство. В целом расизм, как писал в 1938 г. Дж. Альмиранте, будущий лидер неофашистов, должен был стать цементирующим фактором империалистической политики. Отличие «имперского порядка» от «колониального», утверждали фашистские идеологи, заключалось в том, что «империя не только обеспечивает хорошее руководство подчиненными народами и занимается облагораживанием их территорий, но и создает социальные, политические и экономические организации, родственные таким же в метрополии» [6, 91].

Будучи средством обоснования борьбы итальянского империализма за передел мира, фашистская концепция «нового порядка» обладала известной эластичностью, приспосабливалась к требованиям текущего момента. В статье «Итальянские колонии в европейской системе» министр колоний А. Лессона отмечал важную роль, которую могли бы выполнить колонии в поддержании равновесия между европейскими странами. В связи с этим он прямо указывал, что Италия ставит решение колониального вопроса в качестве основного в своей внешней политике и стремится к колониальным приобретениям, которые были бы пропорциональны владениям других государств.

«Италия, — писал журнал *Джераркия* (*Gerarchia*), — является не только центром Средиземноморской Европы, но и всего средиземноморского района» [20]. Географически, исторически, политически и в военном отношении Средиземное море является жизненным пространством для Италии, подтверждал эти претензии Муссолини в речи 26 марта 1939 г. [21]. На всех этапах фашистская концепция «европейской солидарности» использовалась для обоснования экспансии итальянского империализма, его межблоковой и внутриблоковой борьбы. В ней была отражена претензия фашизма на руководство «западным миром» и спасение «западной цивилизации» от «угрозы большевизма».

В сентябре 1939 г., когда фашистская Италия объявила о своем «неучастии в войне» (*non belligeranza*), итальянские фашисты предлагали мирно догово-

риться на основе разграничения сфер влияния между Англией, Францией, Германией и Италией в широком пространстве территориальных интересов «Евроафрика». Согласно итальянскому плану за Германией признавались права на колонии, которыми она владела до 1918 г., однако указывалось, что ее основной функцией и «исторической миссией» является европейская, осуществляемая в восточном направлении. Африканский континент должен быть полностью предоставлен средиземноморским странам, в первую очередь Италии, которая осуществляла бы свою «цивилизаторскую функцию в римских традициях».

Вступление фашистской Италии в войну в июне 1940 г. и первоначальные военные успехи фашистского блока внесли существенные коррективы в итальянские планы организации «нового порядка». Итальянские фашисты исходили из принципа установления двух «жизненных пространств» в Европе, которые должны были отвечать «сущностям двух доктрин — фашистской и национал-социалистской». «Возникнет новая Европа и новый континент... географические границы будут пересмотрены... В политических и экономических границах Европа включает территории Африки, арабской и Средиземноморской Азии» [22]. В другом фашистском журнале, *Критика фашиста (Critica fascista)*, в редакционной статье говорилось: «Один полюс оси упрется в центр Европы, другой в центр Юго-Восточной Европы и вовлечет в свою орбиту средиземноморский бассейн, всю Африку, часть Азии, включая омывающие ее моря, средиземноморскую и индийскую Азию... Здесь будет развиваться империя новой цивилизации» [23].

Исследователь К. Курчио полагает, что речь шла о компромиссном варианте «строительства Европы», который отвечал бы новой политической реальности [6, 91]. Фашистский идеолог Ю. Эвола писал в 1940 г.: «...Организирующая сила подлинной цивилизации является не “латинской”, а просто “романской”, “арийско-романской”» [24].

Одним из последних мероприятий в рамках фашистского универсализма была конференция на тему «Идея Европы», организованная 23–24 ноября 1942 г. в Риме Национальным институтом фашистской культуры. Научный редактор публикации материалов конференции и автор развернутого предисловия Д. Лонго писала в 2000 г., что так и осталось неясным, имела ли какое-то влияние конференция с участием авторитетных интеллектуалов фашистской эпохи на реальную политику и отражала ли она вообще реальные внешнеполитические цели фашистского режима [9].

В любом случае конференция отразила два подхода к европейской идее. Первый подход, обоснованный директором Национального института фашистской культуры К. Пеллицци, представлял концепцию Европы как расширенного сообщества, пронизанного общими ценностями, в равной степени разделяемыми даже такими странами, как Великобритания и СССР, которые вносят собственные идеалы и опыт в европейский багаж. Советский коммунизм и британский империализм он рассматривал как «два крайних проявления внутренних моральных феноменов в европейском сознании» [12, 35].

Второй подход нашел выражение в выступлении теоретика корпоративизма философа У. Спирито. Он считал, что на текущий момент Европа уже не

находится в зоне внимания фашистской Италии. Естественным пространством, на которое обращено внимание фашистской Италии, является Средиземноморье. Фашизм поворачивается в сторону Европы только в связи со страхом быть окончательно вытесненным из нее германской экспансией. Реальными противниками Италии являются США, которые замышляют интегрировать Европу в собственные, контролируемые ими экономические механизмы, а также Великобритания, которая находится в центре сложной системы международных отношений и рассматривает Европу только как часть этой международной сети, и Советский Союз, осуществивший процесс радикального обновления [12, 35, 43, 44].

Подводя итоги, можно рассуждать о трех вариантах фашистского «европеизма»: первый был приспособлен к условиям версальской системы, второй разрабатывался в рамках итальянской концепции, а затем приспособивался к германской политике «жизненного пространства» (*lebensraum*). Даже после утраты фашистской Италией военно-политической самостоятельности итальянский вариант «европеизма» отличался от нацистского. Третий планировался в некоторых фашистских кругах в расчете на сохранение и приспособление фашистского политического режима к условиям послевоенной реконструкции Европы, осуществляемой под эгидой США и Великобритании.

-
1. *Лопухов Б. П.* Фашистский и антифашистский вариант «европеизма» // Европа и Средиземноморье. М., 1986.
 2. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Вопр. философии.* 1989. № 4.
 3. *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории. М., 1969.
 4. *Cerruti V.* Collaborazione internazionale e ragioni dell'insuccesso della Societa delle Nazioni // *Rivista di Studi politici internazionali.* 1946, Gennaio-giugno.
 5. *Cofrancesco D.* Il mito europeo del fascismo // *Storia contemporanea.* 1983. № 1.
 6. *Curcio C.* Europa: storia di un'idea. Firenze, 1958. Vol. 2.
 7. *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Roma-Bari, 1976.
 8. *Gentile E.* Il mito dello Stato nuovo. Roma-Bari, 1982.
 9. Il fascismo e l'idea d'Europa. Il Convegno dell'Istituto Nazionale di Cultura Fascista (1942) // A cura e con introduzione di Gisella Longo. Roma, 2000.
 10. *Il Messaggero.* 1936. 24 marzo.
 11. *Il Patto Mussolini*, a cura di A. Vaccari. Roma, 1933.
 12. *Longo G.* Introduzione. Il fascismo e l'idea d'Europa. Roma, 2000.
 13. *Mola A. A.* L'imperialismo italiano. Roma, 1980.
 14. *Mussolini B.* La dottrina del fascismo. Roma, 1941.
 15. *Mussolini B.* Opera omnia. Firenze, 1973. Vol. XXV.
 16. *Neglie P.* Un secolo di anti-Europa. Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria. Rubbettino ed., 2003.
 17. *Ortega y Gasset J.* Meditazione sull'Europa. Roma, 2000.
 18. *Zaganella M.* Il fascismo e la nazionalizzazione delle masse // *Fare gli italiani. Dalla Costituzione dello Stato nazionale alla promulgazione della Costituzione repubblicana (1861–1948)* / a cura di Giuseppe Parlato e Marco Zaganella. Roma, 2011.
 19. *Turi G.* Lo Stato educatore. Politica e intellettuali nell'Italia fascista. Bari, 2002.
 20. *Gerarchia.* 1939. № 4.

21. Gerarchia. 1939. № 5.
22. Ibid. № 6.
23. Critica fascista. 1940. № 16.
24. Ibid. № 21.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 621.039 + 327.37 + 355.019.1 + 327.2

Томас Йонтер

ПОЧЕМУ ШВЕЦИЯ НЕ СТАЛА СОЗДАВАТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ?

Почему, после долгих раздумий, в конце 1960-х гг. шведское правительство решило отказаться от своих планов разработки ядерного оружия? В данной статье приводится общий обзор истории выработки Швецией планов по созданию ядерного оружия в период с 1945 по 1968 г. К концу этого периода у Швеции существовала ядерная программа, в рамках которой можно было создать ядерное оружие в течение нескольких следующих лет. Однако по ряду причин страна отказалась от военной ядерной программы в 1968 г. и присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. Среди основных причин отказа можно выделить растущее в обществе сопротивление планам создания ядерного оружия; противоречия между целями мирной ядерной программы и необходимостью сохранить свободу действий в рамках военной программы; политику США, пытавшихся предотвратить появление у Швеции ядерного оружия, а также укрепление международных норм в области ядерного нераспространения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: шведская ядерная программа, ядерное оружие, режим ядерного нераспространения.

Почему Швеция, на протяжении долгих лет вырабатывавшая планы по созданию собственного ядерного оружия, в конце 1960-х гг. от этих планов отказалась? Ряд исторических исследований были посвящены некоторым аспектам данного вопроса, в частности, тому, как отказ от ядерной программы был связан с публичными политическими дебатами в Швеции и с формированием дальнейшей шведской оборонной стратегии [2–4, 21, 40]. Некоторые исследователи ставили перед собой задачу провести более общее исследование вопроса, почему Швеция отказалась от создания ядерного оружия, однако эти усилия, как правило, нивелируются тем, что авторы в основном полагались на вторичные источники — исследовательские работы, опубликованные на английском языке [11, 18, 19, 35], а все они не дают полной исторической картины шведских планов по созданию ядерного оружия. Главная сложность создания такой полной картины отказа Швеции от ядерной программы была связана с отсутствием архивных источников по данному периоду. Сегодня окончание холодной войны и рассекречивание большей части соответствующих документальных записей, особенно касающихся тех-